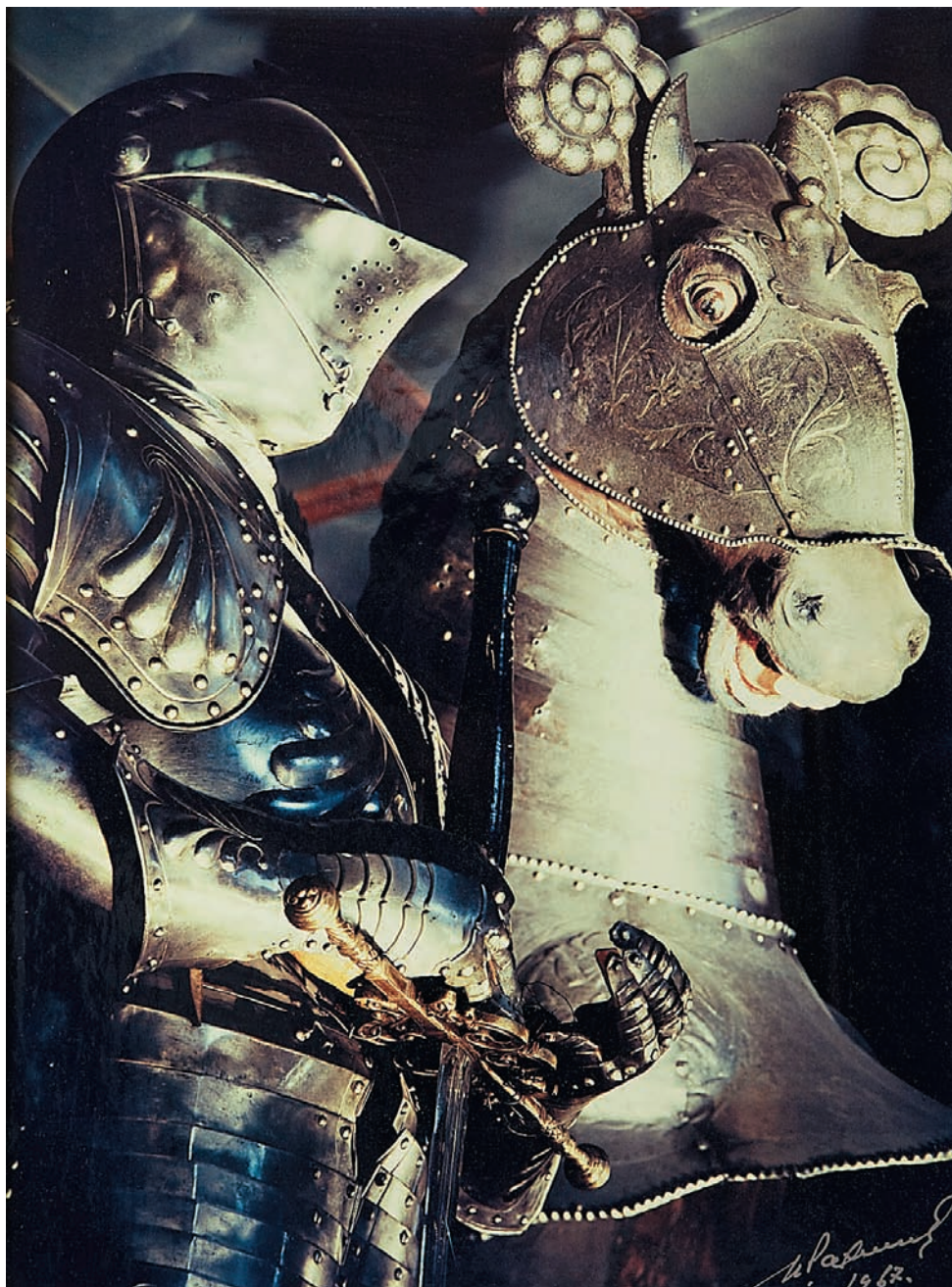

ТЕМА НОМЕРА Фотохроника: Николай Рахманов

«В этих вещах заключена огромная энергия, которая веками там накапливалась»

ромное эстетическое удовольствие от съемок, я еще и ощущал, что в этих вещах заключена огромная энергия, которая веками там накапливалась. Друзья говорят мне, что каким-то образом эта энергия частично передается и фотографиям. Жена, во всяком случае, когда чувствует себя неважно, заходит в комнату, где они хранятся, и говорит, что очень скоро состояние улучшается.

Кроме того, в Кремле я познакомился и до сих пор дружу с очень интересными и знающими людьми, влюбленными в свое

дело. Узнал много интересного и неожиданного для себя. Вот один из самых простых примеров: на кресте Ивана Великого, в середине его, есть символ солнца, его не видно с земли, и маленькое распятие.

Эти три ипостаси, о которых вы говорили: фоторепортер, фотожурналист и фотохудожник, как они уживаются друг с другом?

Фотожурналистом я себя считаю прежде всего потому, что могу рассказать, почему

Оружейная палата. Фрагмент рыцарского снаряжения. 1969 г.

Вазген II, Католикос всех армян. Начало 80-х гг.

я снял тот или иной кадр, как я его снимал, и так далее. А фотохудожество мое — это в основном то, что я снимаю в музеях, прикладная фотография, можно сказать. Это скорее подход к съемке. Видите, на этой фотографии с короной какой свет: сзади, за короной, спрятана лампа, она дает такой сияющий ореол. Простой фоторепортер этого никогда не сделал бы, он залепил бы все лобовым светом. А я думал о композиции, о том, как ее осветить. Вот тут, видите, глубокий красный цвет, и его мне не нужно было высвечивать — то есть я подходил к съемке, к освещению, как художник. Светом еще надо уметь пользоваться, это не приходит само, этому надо долго учиться. Скажем, бриллианты, если их передержать, превращаются просто в стекляшки — с ними надо быть очень аккуратным. Я в Кремль иногда привозил до шести киловатт общей мощности ламп — но вы никогда не увидите ни в одном моем альбоме фотографии, залитой плоским лобовым светом, потому что я всегда старался сохранить естественное освещение, если оно было в том интерьере или в композиции, что я снимал, и в то же время подчеркнуть какие-то важные для меня детали своим светом. У меня лампы были не простыми галогенками — это были так называемые театральные «бобики», с линзой Френеля, они дают очень направленный свет, и луч их можно регулировать — делать его уже или шире, и я этим очень часто пользовался. До того, как они у меня появились, я пользовался шестью автомобильными фарами, когда мне нужен был направленный луч света. Я мог переключать их на ближний и дальний свет, и специально таскал с собой огромный трансформатор, который давал мне возможность регулировать освещение.

А ставить свет Вас кто-нибудь учил?

В Фотохронике ТАСС учили ставить свет для портретов — был такой замечательный портретист Сергей Иванов-Аллилуев, и я считаю, что он научил меня снимать портреты. Но вообще этому делу — освещению — мне пришлось учиться самому. Я не читал никаких книг, а скорее чутьем определял, какой свет требуется для данного кадра. Вот на этой фотографии узбека-гончара свет очень своеобразный — за гончаром стоит обычная керосиновая лампа, а сверху, через отверстие его печи, я бросил лучик от небольшого блица. А весь фон и большая часть печи освещена этой керосиновой лампой. Это один из очень немногих снимков, где я использовал блиц.

Формат 9 x 12, 13 x 18 — это принципиально? Всегда и везде — большой формат?